

**Суггестивный дискурс: к гипотетической
реконструкции оптимальной аудитории
(опыт поискового семиосоциопсихологического исследования
на материале историографических текстов)**

© кандидат филологических наук Е. В. Лютикова, 2001

Часть I

Данная статья представляет собой очерк результатов анализа, целью которого было реконструировать возможное непротиворечивое восприятие потенциально суггестивных элементов текста (на материале российских и американских историографических текстов), тем самым реконструируя некоторые характерные черты гипотетического “портрета” аудиторий, оптимальных для рассматриваемых текстов.

Суггестивный текст¹ в предлагаемой статье рассматривается как нехудожественный текст, управляющий читательским восприятием, актуализируя в сознании читателя своего рода аксиомы познания (в том числе и социального), то есть те элементы, которые воспринимаются как “само собой разумеющиеся” и, раз устоявшись, весьма редко поверяются логикой и опытом. Такие аксиомы, будучи однажды усвоенными или сформировавшимися в сознании индивида или группы, затем в течение долгого времени могут служить базой для интерпретации определенных аспектов поступающей к ним – индивиду или группе – информации и переживаемого ими – индивидом или группой – опыта.

Таким образом, суггестивность какого-либо текста осуществляется только в восприятии соответствующей аудитории, когда текст актуализирует в сознании данной аудитории описанные выше аксиомы. До момента этой актуализации, на мой взгляд, можно говорить лишь о *потенциальной суггестивности* рассматриваемого текста. **Аудитория** же, которая способна непротиворечиво реагировать на коммуникативные программы², задаваемые потенциально суггестивными элементами какого-либо текста, может быть условно названа **оптимальной** для

¹ В основе методов, использованных при выполнении этой работы, лежит *семиосоциопсихологическая теория* Т. М. Дридзе, где *текст* определяется как “системно организованная” “единица коммуникации”, которая “представляет собой иерархию коммуникативно-познавательных программ, цементируемую общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) партнеров по общению, а текстовая деятельность оказывается одним из ключевых механизмов социокультурной регуляции...” [1; Кн. 2, 128; Кн.1, 21].

² Термин Т. М. Дридзе.

данного текста. Тогда “действующая”, актуализируемая в восприятии аудитории суггестивность может трактоваться как способ бытования текста в данном сообществе, как *социальное функционирование текста*. (Разумеется, тот или иной конкретный текст может включать в себя не только суггестивные элементы; в таком случае суггестивность следует рассматривать лишь как один из способов социального функционирования данного текста.)

При работе с текстами в качестве отправной точки используется принятый в семиосоциопсихологии метод интенционального анализа³, поскольку семиосоциопсихологические методы, на мой взгляд, по ряду причин весьма эффективны при решении подобных исследовательских задач. Прежде всего, современные прикладные стратегии текстологических исследований учитывают в основном тексты явно манипулятивного и пропагандистского типа и к исследованиям “промежуточных состояний” вроде суггестивного текста применимы лишь отчасти. Кроме того, в семиосоциопсихологии создание и восприятие текста трактуются как единый неразрывный процесс, что позволяет исследователю практически одинаково свободно перемещаться в любом направлении в пределах этого континуума. Фокус анализа, в зависимости от логики исследования, может быть направлен как собственно на текст, так и на особенности в работе сознания у создающих либо воспринимающих этот текст условных семиосоциопсихологических групп⁴ (далее – С-групп).

При анализе текстов, содержащих потенциально суггестивные элементы, подобная стратегия, в сочетании с дискурсивно-психологическим анализом позволяет определить степень значимости суггестии в построении и функционировании анализируемого текста. То есть, с одной стороны, это дает возможность оценить, какие аспекты работы сознания С-группы, включающей автора текста (авторской С-группы), обусловлены аксиомами познания; с другой стороны, это позволяет оценить степень потенциального участия суггестии в совокупном воздействии составляющих текста на восприятие С-группы реципиента, а также реконструировать условия непротиворечивого / оптимального воздействия суггестии на сознание С-группы реципиента.

Двухаспектный анализ текста – интенциональный и дискурсивно-психологический – позволил выделить те фрагменты, непротиворечивое восприятие которых может быть “маркировано”, то есть предполагает

³ Метод предложен Т. М. Дридзе и входит в прикладную часть разработанной ею концепции семиосоциопсихологии (см., напр., [2]).

⁴ Условные социоментальные, или шире – семиосоциопсихологические группы (далее в тексте: С-группы), – в концепции Т. М. Дридзе – “группы людей, сходным образом интерпретирующие текстуально организованную информацию...” [1; 29].

принадлежность реципиента к определенному типу сознания. Выделяемые в ходе анализа характерные условия восприятия позволяют в первом приближении реконструировать наиболее характерные черты “портрета” гипотетически оптимальной для данного текста аудитории.

Избранные для анализа тексты относятся к началу 1970-х гг.: в это время волевым решением “сверху”⁵ прекращается “последняя” (по определению В. В. Поликарпова⁶) дискуссия в советской историографии — об изучении и трактовке экономических и политических предпосылок революции октября 1917 г.; в это же время перед отечественными историографами ставится задача “наполнить конкретным содержанием” заданную партийными документами концепцию развития социализма — т. е. “облечь в плоть и кровь очередной идеологический миф”⁷; с другой стороны, это время между двумя этапными форумами историографов — XIII и XIV международными конгрессами исторических наук, первый из которых состоялся в Москве в 1970 г., а второй — в Сан-Франциско в 1975 г. В статье “Истоки несостоявшегося диалога” исследователь этого периода развития отечественной историографии М. П. Мохначева комментирует активное участие советских историков в различных симпозиумах и конференциях 1970-гг., в частности, как “показатель растущего стремления историков к преодолению идеологизации научных исследований” [10, 103]. Тем интереснее может быть, на мой взгляд, внимательное чтение и сравнительный анализ историографических работ того времени, отражающих действие противоположных, по определению, методов исторического исследования; тема же избранных работ — национальная история и национальные отношения в исторической перспективе — представляется вполне актуальной и для сегодняшнего дня⁸.

В интересах анализа текста применяется “взгляд стороннего наблюдателя”, отделенного от момента создания этих текстов значительным отрезком исторически насыщенного времени, но не утратившего память о характере тех устойчивых толкований, которые в анализируемых текстах использовались для знаков, номинировавших существенные для указанных текстов социальные представления и зарегистрированных в словарях. Только такая точка обзора позволяет различить в тексте суггестивные конструкции. Непосредственный адресат текста (в данном случае — оптимальная аудитория) не может различать эти конст-

⁵ Постановление Отдела науки ЦК КПСС, март 1973 [10, 376].

⁶ См. В. В. Поликарпов. “Новое направление” 50 – 70 гг.: последняя дискуссия советских историков. [10, 349].

⁷ См. Н. В. Иллерицкая. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица. [10, 185].

⁸ Предлагаемая вниманию читателя статья хронологически и методологически продолжает тему другой работы: Лютикова Е. В. Суггестивный дискурс как фактор псевдокоммуникации и информационного воздействия (опыт поискового семиосоциопсихологического исследования на материале историографических текстов). [11]

рукции, поскольку в этой неразличимости их смысл, иначе они перестанут действовать как суггестивные.

Для анализа русскоязычных историографических текстов взяты тексты полемические. Полемика – это “речь-поединок” [8, 69-70], можно сказать, кульминационный момент в репрезентации авторского мнения. Непротиворечивое восприятие такой репрезентации нередко требует от реципиента определенных качеств сознания. Выявление критических моментов в полемической репрезентации авторского мнения и реконструкция условий их непротиворечивого восприятия реципиентом позволяют дать очерк наиболее характерных признаков оптимальной для данного текста аудитории.

Оба русскоязычных текста, анализ которых приводится в предлагаемой статье, взяты из сборника 1972 г., изданного научными советами по проблемам зарубежных идеологических течений при АН СССР и АН Молдавской ССР по итогам научной сессии того же года, посвященной методологическим вопросам в изучении истории национально-государственного строительства в СССР. Заглавие первой статьи – “Об основных аспектах и некоторых приемах фальсификации современной истории Молдавии в буржуазной историографии” [12,154; текст: с.154-165] – вполне соответствует выделенной непосредственно из текста по методу интенционального анализа цели сообщения. Сама же цель сообщения располагается в конце статьи и фактически призвана являть собой подкрепленный всем предшествующим рассуждением конечный вывод (предикации I порядка): (а) “Для успешной борьбы с фальсификаторами истории народов СССР необходимо знать не только концепции наших идейных противников, их злобные намерения и грязную клевету на наш строй, но и приемы, технику их фальсификаторской деятельности. Это помогает нам в разоблачении их тщетных ухищрений, когда они пытаются использовать исторические знания в угоду своим хозяевам, в интересах эксплуататорского общества” [12,165]; (б) “И наш священный долг – постоянно разоблачать эту ложь и клевету” [12,165].

Отправной точкой в рассуждении служит основной констатирующий тезис, помещенный в начало статьи (предикация II порядка, уровень 1): “Одним из участков идеологической борьбы буржуазии против коммунизма является история народов СССР” [12,154]. На той же странице дана расшифровка этой исходной посылки (разъяснение основного тезиса; предикации II порядка, уровень 2): (а) “Фальсифицируя историю, буржуазные идеологи пытаются ослабить притягательную силу идей и практики социалистического строительства в Советском Союзе, исказить национальную политику нашего государства, противопоставить один народ другому, подорвать дружбу советских народов – источник могущества нашей страны” [12,154]; (б) “Не имея возможности подробно остановиться на всех проблемах истории Молдавии послеоктябрьского периода, которые нашли отражение в буржуазной историографии, рассмотрим лишь основные аспекты, подвергающиеся наибольшей фальсификации” [12,154].

Таким образом, уже по этой рамке, охватывающей все изложение, можно видеть, что в тексте задана очень четкая структура: изложение неукоснительно следует заданному плану логической связи предикаций, соответствующих уровню описания ситуации. Предикации этого уровня выстраиваются, отправляясь от основного тезиса и разъяснений к нему. Каждая из них, в свою очередь, сопровождается 1) предикациями, где приводятся факты, иллюстрирующие описание ситуации, и дана репрезентация точки зрения оппонентов автора; 2) предикациями уровня аналитической оценки ситуации, которые (так же, как и иллюстрации к этому уровню) репрезентируют точку зрения автора. Конечно, последние находятся в полемических отношениях к предикациям, иллюстрирующим описание ситуации (т. е. к точке зрения оппонентов). С предикаций, иллюстрирующих авторскую позицию, мы и начнем анализ, причем здесь и далее будут рассматриваться только предикации, маркированные суггестивными структурными элементами и требующие от оптимальной для данного текста аудитории характерных свойств восприятия.

1. Итак, иллюстрации к аналитической оценке, по замыслу автора, очевидно, должны содержать факты, опровергающие точку зрения оппонентов. Между тем, в иллюстрациях к аналитической оценке такого элемента ситуативно-событийного плана, как освещение в зарубежной историографии “основных вопросов революционной борьбы трудящихся Молдавии и становления Советской власти в крае” [12,154] отсутствуют ссылки на фактографические источники (предикация III порядка, уровень 1.4): “Трудящиеся Молдовы плечом к плечу со всеми народами нашей многонациональной страны активно участвовали в революционном движении против своих угнетателей и эксплуататоров, в том числе в революции 1905 года и в период Великой Октябрьской социалистической революции” [12,155]. Иллюстрация остается не подкрепленным фактами заявлением.
2. Далее, полемизируя с репрезентацией в зарубежных работах истории национально-государственного строительства в Молдавии, автор упоминает о “так называемых массовых выселениях молдаван из республики” (предикация III порядка, уровень 1.3) [12,155]. Утверждается, что эти данные противоречат данным о росте численности молдавской части населения (предикации II и III порядка, уровни соответственно 3.2 и 1.4): “Жизнь посмеялась над квазиучеными прогнозами господина Наку⁹ и ему подобных, показав их полнейшую несостоятельность. По данным переписей населения 1959 г. и 1970 г., количество лиц молдавской национальности, как и всего населения республики, не только не

⁹ Зарубежный историограф, очевидно, румынского происхождения, прогнозировавший в одной из своих работ значительное снижение численности молдавской части населения республики вследствие массовых выселений молдаван.

уменьшилось, а, наоборот, возросло” [12,155]. Упомянуты авторы работ, где приводятся такие данные, имеется сноска. Сноска [№ 4, с.155], однако, содержит не перечень работ упомянутых авторов, а указание на некие другие статьи, появившиеся в разное время в газетах "The Guardian", "Journal de Geneva" и "Figaro". Во всех случаях указан месяц и год выпуска соответствующего номера, однако не указаны ни сами номера (что существенно, поскольку все издания в списке – газеты), ни названия статей либо имена их авторов. Что же касается тех авторов зарубежных работ, имена которых упомянуты в самом тексте, а не в сноске, то остается только предполагать, что имеются в виду именно те их работы, которые уже указаны в предыдущих сносках на той же (с.155) и предшествующей страницах. В таком случае, как следует из предыдущих сносок, речь идет о работах 1958 года. Год указанных фактов депортации не приводится, однако представляется, что эти данные вовсе не обязательно будут противоречить факту увеличения численности населения в 1959 и тем более в 1970 году, который упомянут в предикации, иллюстрирующей аналитическую оценку [12,155]. Кстати, ссылка на документы, отражающие статистику переписи 1959 и 1970 гг., отсутствует, как и указания на факторы, за счет которых происходил наблюдавшийся прирост населения.

3. Далее автор рассматривает вопрос о закономерности определения “молдавская нация” и полемизирует с тезисом зарубежных авторов о том, “будто молдаванам были чужды идеи национально-государственного определения” (предикация II порядка, уровень 3.1) [12,155]. Несколько выше, где речь шла об истории “становления Советской власти в крае” (предикация III порядка, уровень 1.3) [12,154], указывалось однако, что “основной упор современные буржуазные авторы делают на то, будто трудящиеся Молдавии в 1917 году боролись не за социальные, а только за национальные права” [с.154]. Возможно, что в первом и втором случаях речь идет о работах разных зарубежных историографов; возможно, что в зарубежной историографии Молдавии, по крайней мере, на тот момент, существовали различные точки зрения на вопрос о факте и времени самоопределения молдавской нации. Тем не менее, на уровне текста это противоречие никак не объяснено и, таким образом, не снято. Можно также предположить, что здесь произошло наложение двух разных референций, и в результате возникла путаница в определениях. Если это предположение верно, тогда причина наложения, вероятно, в том, что понятие “нация”, “национальный” не является реально значимым для авторской С-группы. В этом случае то же можно сказать и об оптимальной аудитории, так как по определению необходимо, чтобы такая аудитория не различала указанного противоречия.

4. В продолжение иллюстраций авторской точки зрения сказано, что “советские историки на основе фундаментальных данных достаточно убедительно показали, что создание МА ССР¹⁰ было естественным процессом, что в этом историческом акте активно участвовали самые широкие массы трудящихся Молдавии” (предикация III порядка, уровень 1.4) [12,156]. Далее процитирована декларация об образовании МА ССР, принятая 12 октября 1924 г., которая ссылается на “твердо выраженную волю рабочих и крестьян Советской Молдавии” (предикация IV порядка, уровень 2.4) [12,156]. Между тем, в тексте статьи отсутствует указание на правовую процедуру, при помощи которой столь значительное количество людей смогло так определенно высказать свою волю. Хотя представляется, что такого рода указание, вероятно, должно присутствовать в тексте самой Декларации (правда, ссылка на сборник документов, содержащий текст Декларации, имеется). Данная ситуация может косвенно указывать на то, что вопросы правовых отношений и легитимности власти не относятся к обиходно значимым социальным представлениям, вероятно, как в сознании авторской С-группы, так и оптимальной аудитории.
5. Переходя далее к трактовке коллективизации сельского хозяйства Молдавии в зарубежной историографии, автор передает (и решительно отвергает) мнение одного из историографов, согласно которому “переход единоличного крестьянина на колхозный путь развития означает не смену форм крестьянского землепользования, то есть переход от индивидуальной формы к коллективной [авторская точка зрения. — *Е.Л.*], а лишение крестьян земли [точка зрения оппонента. — *Е.Л.*]” (предикация III порядка, уровень 1.3 — иллюстрация к ситуативно-событийному плану) [12,159]. Представляется, что подлинным основанием полемики и со стороны авторской С-группы, и со стороны оппонента (и его С-группы соответственно), являются не экономические категории (ибо в таком случае это спор о терминах), а аксиомы социального познания, свойственные той и другой С-группе. Аксиома С-группы оппонента, очевидно, заключается в том, что сознание крестьян не претерпело существенных изменений за годы становления новой власти и в процессе коллективизации. Следовательно, их отношение к указанным событиям в экономическом смысле могло принять только форму, соответствующую положению лишенных земли. Аксиома авторской С-группы состоит в том, что сознание крестьян изменилось и они воспринимают совершившиеся события действительно как переход от одной формы земельных отношений к другой, продолжая ощущать себя полноправными пользователями, не отчужденными от земли. Интересно, что при этом употребляется слово “землепользование”, а не “землевладение”. Трудно сказать, в ка-

¹⁰ Молдавской Автономной ССР.

кой мере уровень правового сознания авторской С-группы позволяет ей смешивать эти два понятия, но очевидно, что именно это смешение должен позволять уровень правового сознания оптимальной аудитории.

6. Полемика с мнением немецкого филолога К. Хайтмана (исследовавшего текст романа одного молдавского писателя и выразившего свое отношение к предвоенным (1940 г.) событиям молдавской истории) включает, в частности, следующую предикацию (III порядка, уровень 1.3 – иллюстрация к ситуативно-событийному плану): “... Автор достаточно преуспел в фальсификации не только проблем филологии, но истории молдавского народа” [12,165]. Однако весь предшествующий авторский анализ мнения немецкого автора не затрагивает вопросов филологии, а посвящен исключительно полемике с его “фальсификацией истории молдавского народа”. Остается совершенно неясным, о какой “фальсификации проблем филологии” идет речь и что в принципе представляет собой подобная фальсификация. Кроме того, немецкий автор в процитированном в статье высказывании, на мой взгляд, не отрицает важные для авторской С-группы факты истории Молдавии – бедность бессарабских крестьян и освобождение Бессарабии в 1940 г., но указывает на роль пропагандистских элементов, с его точки зрения, присутствовавших в исследованном им тексте романа молдавского писателя и во многом определивших романную интерпретацию упомянутых событий. Однако представляется, что именно сомнение в интерпретации, оспаривание предлагаемого смысла факта (а не подмена факта) и есть фальсификация с точки зрения авторской С-группы и, очевидно, с точки зрения оптимальной аудитории.

По итогам анализа этого текста можно обозначить следующие характерные признаки его оптимальной аудитории. Так, например, отсутствие ссылок на фактографические и документальные источники, отмеченное в пп.1-2, косвенно указывает на то, что оптимальная аудитория должна воспринимать утверждения автора как нечто само собой разумеющееся, не требующее документальных и фактических подтверждений. То есть в сознании оптимальной аудитории эти авторские утверждения должны обретать силу аксиом, что дает некоторое представление об, очевидно, весьма влиятельном положении автора текста и его С-группы по отношению к оптимальной аудитории. По итогам анализа пп. 3-5 можно отметить некоторые почти безусловные социальные представления оптимальной аудитории в области права и государственного устройства. Так, понятия “нация” и “национальный”, видимо, не являются принципиально значимыми для авторской и оптимальной С-групп (п.3). Невнимание к процедуре, закрепляющей легитимность власти может указывать на тот факт, что существующая на момент создания

анализируемого текста (и распространяющаяся на оптимальную аудиторию) власть воспринимается этой аудиторией как безусловно легитимная, т. е. ее легитимность, по сути, есть аксиома в сознании оптимальных реципиентов данного текста (п.4). Текст также, видимо, предполагает неразвитость правового сознания оптимальной аудитории там, где речь заходит о земельных отношениях. Очевидно, что оптимальная аудитория не должна четко различать понятия “землепользования” и “землевладения” (п.5). В п.6 можно найти косвенное указание на то, что принятая сознанием оптимальной аудитории интерпретация факта значимее самого факта, значимее собственно объемного действительного события. Таким образом, событию отказано в объеме, многоаспектности и многозначности, а возможным оппонентам отказано в праве представить другую интерпретацию рассматриваемого события. Последний вывод также подкрепляется анализом соответствующего фрагмента текста в п.6, из которого ясно, что точка зрения оппонента реально не дискутируется и не оспаривается, а просто помечается отрицательной коннотацией – словом “фальсификация”.

Во втором русскоязычном тексте цель сообщения прямо не заявлена, однако, по общим итогам интенционального анализа, на эту роль вполне может претендовать само заглавие: “Критика буржуазных фальсификаций истории советской Белоруссии” [12,117; текст: с.117-127]. Интенциональный анализ показал также, что основной констатирующий тезис состоит из следующих предикаций (II порядка, уровень 1): (а) “Непрерывно пополняются запасы антикоммунистической и антисоветской литературы, поступающей на вооружение империалистической пропаганды” [12,117]; (б) “Авторы таких работ обращаются к проблемам Советской Белоруссии, разумеется, не из добрых намерений и побуждений, не с целью объективного освещения героической истории белорусского народа, не для того, чтобы правдиво рассказать о процветании Белоруссии в братской семье народов СССР, а исходя из стремления осветить эти проблемы с антисоветских, антикоммунистических позиций” [12,117]. Этот тезис распространяется далее следующими утверждениями (разъяснение основного тезиса; предикации II порядка, уровень 2): (а) “Фальсифицируя подлинные исторические факты и искажая советскую действительность, современные реакционные “советологи”... отрицают активное участие широких трудящихся масс Белоруссии и их инициативу в борьбе с эксплуататорами за победу социалистической революции, за установление и упрочение Советской власти, за создание своей национальной социалистической государственности” [12,117]; (б) “Идеологические оруженосцы империализма проявляют большую активность в фальсификации всенародной борьбы советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов” [12,122]; (в) “... Современные реакционные историки пытаются скрыть от зарубежного читателя беспримерный героизм и мужество советских воинов в тяжелых оборонительных боях 1941 года” [12,123]. Далее анализ сосредоточен только на суггестивно маркированных предикациях, для восприятия

которых от аудитории, оптимальной для данного текста, требуются характерные свойства сознания.

1. Вначале рассмотрим подробнее одну из процитированных выше предикаций, относящихся к основному тезису (часть (б)) [12,117]. Здесь увязаны вместе оценочный эпитет “добрый” и категория из области эпистемологических концепций – “объективный”. То есть эпистемологические категории занимают свое место относительно системы коннотаций данного текста, и коннотации для них выбираются из сферы этического. Репрезентируемая таким образом авторская позиция напоминает систему религиозных взглядов, в которой способ познания может исходить от благого начала, а может и “от лукавого”.
2. Теперь обратимся к фрагменту одной из предикаций, составляющих разъяснение основного тезиса (предикация II порядка, уровень 2; часть (а)): “фальсифицируя подлинные исторические факты и искажая советскую действительность” [12,117]. “Советская действительность” – для неосведомленного читателя (“стороннего наблюдателя”) наводящий на размышления своей широтой термин, который в принципе можно понять и как “экзистенциальный”, вплоть до: “бытие совершенно особой природы”. В этом случае, будучи заведомо “иноприродными” этому бытию, американские и английские профессора, в самом деле, могут только “искажать” и “фальсифицировать факты”. Но тогда понять “советологов” равным образом невозможно для соприродных “советской действительности” историографов. Получается, что полемика заранее обречена как лишенная смысла. Тем не менее, с этой фразы в тексте фактически только начинается речь о предмете спора. Представляется, что на достаточно глубоком уровне оптимально воспринимающего данный текст сознания употребление сигнификата “советская действительность” может резонировать с ощущением, в конечном счете, непоколебимости баланса в системе коннотаций и соответствующей ей системе ценностей (любой полемический выпад иноприродных этим системам оппонентов будет непременно отражен) и с ощущением фундаментальной обоснованности их структуры и включенных в нее смыслов.
3. Предикации, иллюстрирующие описание ситуации (III порядка, уровень 1.3), начинаются с оценок (элемент предикаций II порядка, уровня 3.2): “Извращая историю белорусского народа, используя чистейшие вымыслы, они [зарубежные историографы. – Е.Л.] пытаются доказать, что население Белоруссии было настроено против строительства национальной жизни на советской основе...” [12,118]. Аналитическая оценка предшествует упоминанию самого факта, причем оценка состоит практически только из отрицания смысла высказывания оппонента и сниженной коннотации. Этому может быть несколько причин: во-

первых, смысл возражений оппонента еще до предъявления позиционируется в системе коннотаций, применяемой в данном тексте, и, таким образом, судьба возражения оказывается предрешена, так как в подтексте возникает референция с неизменной смысловой устойчивостью к любым сомнениям и критике, которую авторская С-группа, видимо, приписывает репрезентируемой данной системой коннотаций системе ценностей; во-вторых, для тех читателей из оптимальной аудитории, кто, возможно, нетверд в истории Белоруссии (такой, какой она представляется автору и его С-группе) или затрудняется с оценкой значимых событий, позиция предшествования оценки по отношению к факту задает ориентиры — через систему коннотаций — в нужной системе ценностей. То есть одна из функций такого позиционирования оценки может рассматриваться как дидактическая, обучающая.

4. Продолжая рассматривать предикации, иллюстрирующие описание ситуации, обратимся к следующему фрагменту текста (предикации III порядка, уровень 1.3): “Не брезгуя никакими средствами, стремясь оклеветать великое содружество социалистических наций и народностей нашей страны, буржуазные идеологи упорно навязывают своим читателям мысль, что СССР якобы не является свободным союзом добровольно объединившихся наций, что образование СССР явилось ничем иным как тактическим маневром “русского центра”, рассчитанным на “захват национальных республик”. Они настойчиво твердят о каком-то “советском колониализме”, о “доктрине русского руководства”, о том, что БССР в составе СССР потеряло независимость”, “не пользуется равными правами с РСФСР” и т. д.” [12, 118]. В этом фрагменте оценка (элементы предикаций II порядка, уровень 3.2) также предваряет факты, иллюстрирующие ситуацию, причем все три речевых элемента оценки фактически имеют один общий предмет референции — отрицание высказывания оппонента. “Тройная” структура оценки создает ритм вызова и закрепления (в сознании аудитории) соответствующей коннотации. Далее следуют, видимо, цитаты из работ оппонентов, приводимые, правда, без ссылок на источники. Цитаты фактически идут списком, во втором высказывании становясь в ряд однородных членов. Между тем предметы референции их явно различаются, так что здесь могла бы следовать и была бы интересна их расшифровка (развертывание смысла, вложенного в эти определения самим оппонентом) и авторская раздельная их оценка. Расположение их списком становится возможным, поскольку все они помечены общей коннотацией, то есть фактически задают итеративную конструкцию. Эта итерация, с одной стороны, закрепляет вызов определенного представления — смысла, особым образом расположенного (и маркированного) в системе коннотаций и порождающей ее системе ценностей; с другой стороны, не только нюансы референции в цитированных определе-

- ниях оппонента снимаются за счет объединения их под общей коннотацией, но, в конечном счете, данная итеративная конструкция под общим коннотативным маркером обесценивает притязания высказываний оппонентов на полемическую ценность (в глазах оптимальной аудитории) и фактически снимает их референтный смысл. Вся эта конструкция вызывает и укрепляет в восприятии оптимальной аудитории ощущение общей бессмысленности цитируемых определений.
5. Обратим внимание на предикации, репрезентирующие авторскую аналитическую оценку (II порядка, уровень 3.2): “Буржуазные идеологи, оперируя этими грубыми клеветническими обвинениями, ставят своей целью дискредитировать советскую национальную политику, историю отношений между нациями в нашей стране, хотят отвлечь внимание народов от расовых и национальных конфликтов, достигших угрожающих размеров в капиталистических странах. Подобные вымыслы преследуют цель замаскировать агрессивную сущность политики империалистических государств” [12,118]. В функции этих предикаций просматривается, в том числе, перевод критики (и ответственности) на оппонента. При этом подразумевается, что именно оппонент осуществляет “перевод ответственности” (по сути, делает то же самое). Однако его действия в системе коннотаций помечаются знаком “минус” и должны восприниматься оптимальной аудиторией как “отвлекающие внимание”, “маскирующие” истину, тогда как такие же действия представителей авторской С-группы должны восприниматься как “разоблачающие маскировку” и “открывающие” истину. Защита строится на распределении коннотативных маркеров, логико-выводные отношения практически не используются, рассуждений фактически нет – так приходится строить защиту аксиом, поскольку их невозможно защитить логическими средствами.
 6. Продолжая анализ предикаций, репрезентирующих аналитическую оценку к уровню описания ситуации, обратимся к оценке следующего элемента ситуативно-событийного плана (предикация II порядка, уровень описания ситуации – 3.1): “Стараясь вбить клин в братские отношения между белорусским и русским народами, посеять недоверие и вражду между ними, буржуазные фальсификаторы с большим рвением распространяют лживую версию о том, что якобы над белорусским народом совершается своеобразное “духовное насилие”” [12,118-119]. Аналитическая оценка этого элемента описания ситуации утверждает, в частности, что русский язык есть “средство приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры” [12,118]. Если под приобщением к мировой культуре посредством русского языка имеется в виду возможность ознакомиться, например, с шедеврами мировой словесности в русском переводе, то фраза имеет двоякий смысл: высказывание можно понимать и так, что переводы упомянутых шедевров на белорусский язык пока отсутствуют; и так, что, например, бело-

русский язык не вполне подходит для адекватного перевода таких шедевров. Справедлив этот последний вывод или нет, могут судить только в совершенстве владеющие белорусским языком; в любом случае, такой оттенок смысла представляется не вполне корректным не только с точки зрения национального достоинства белорусов, но так же с точки зрения возможного дальнейшего развития их языка и культуры. Что же касается русского языка как средства приобщения к “лучшим достижениям отечественной культуры”, то это положение подразумевает, в частности, что “лучшие достижения” в культуре страны почти непременно связаны с русским языком. Данное утверждение представляется еще более спорным, чем проанализированное выше. Более того, оно предполагает некоторый весьма специфический оттенок у смысла, вкладываемого в определение “отечественная культура”. Очевидно, здесь полемиста подводит жесткость структуры, свойственная принятой им системе коннотаций и проистекающая от некоторых характерных свойств репрезентируемой ею системы ценностей. Для непротиворечивого восприятия проанализированных предикаций оптимальная аудитория также должна воспринимать эту жесткость как нечто вполне естественное. В таком случае можно допустить, что подразумеваемая аудитория – прежде всего не белорусскоязычная. Однако аудитория, фактически заявленная уже в самом заглавии сборника, и участие в сборнике (как следует из тематики статей и фамилий авторов) специалистов из разных республик явно не предполагают исключения из круга потенциальных читателей белорусскоязычной составляющей. Учитывая все сказанное, следует признать, что в таком случае потенциальные белорусскоязычные читатели должны соответствовать, по характерным для них свойствам восприятия, оптимальной для данного текста аудитории. Тогда попытка автора опровергнуть вывод оппонента (источник не указан) о “духовном насилии” над белорусским народом [12,119] представляется еще менее убедительной. Впрочем, попытка эта, предпринятая фактически исключительно коннотативными средствами, – защита, как уже отмечалось выше, характерная в отношении аксиом.

7. Также обращает на себя внимание следующая иллюстрация к ситуативно-событийному плану (предикация III порядка, уровень 1.3): “Возрастающая роль русского языка в жизни белорусского народа, как показывает история, не только не препятствует развитию национального языка, но наоборот, создает предпосылки для его всестороннего развития” [12,119]. Если здесь имеется в виду все большее использование русского языка в различных сферах жизни, то такое использование одного языка нередко предполагает одновременное вытеснение либо изначальное неиспользование другого языка в этих сферах. Если в

документах возможен параллельный текст, то в речевом общении – в официальных случаях – его аналогом стал бы синхронный перевод, что, очевидно, будет сочтено излишним в ситуации, когда все коммуниканты понимают оба языка. Исходя из сказанного, не вполне очевидно, каким образом осуществляется заявленное в рассматриваемой предикации единство противоположностей. Тем не менее, понятно, что оптимальная аудитория не должна усмотреть здесь никакого противоречия.

8. Еще одна иллюстрация к ситуативно-событийному плану (предикация III порядка, уровень 1.3): “Используя приемы грубой демагогии, они [“буржуазные пропагандисты” [12,120] – *Е.Л.*] предлагают “улучшить” работу предприятий, “повысить” качество продукции... путем отказа от планового ведения хозяйства” [12,120]. Словом “демагогия” определяется вполне отчетливо сформулированное практическое предложение. То есть возражение строится на актуализации системы ценностей через систему коннотаций, что уже не раз можно было наблюдать выше. Однако в данном случае коннотативный маркер как контраргумент применительно к сфере практической деятельности косвенно указывает на возможное отношение к этой сфере у оптимальной аудитории: оценка практических действий и их результатов в сознании данной аудитории (т. е. соответствующей С-группы), вполне возможно, подчиняется строению и смыслам системы аксиом, в которых сформулировано содержание актуальной системы ценностей, смыслопорождающее положение которых определяет отношение оптимальной аудитории к практической деятельности.
9. Развивая положения основного констатирующего тезиса, автор полемизирует с зарубежными историографами по вопросам военной истории советской Белоруссии. Описание ситуации, сложившейся в зарубежной историографии в связи с исследованием этого периода, содержит, в частности, следующее утверждение (предикация II порядка, уровень 3.1): “Исход войны, по утверждению антикоммунистической пропаганды, решило не военное, экономическое, политическое и идеологическое превосходство СССР, не героизм и стойкость советского народа и его Вооруженных Сил, а цепь “роковых ошибок”, “просчетов” со стороны фашистской Германии, которые помешали ей выиграть войну” [12,122]. Аналитическая оценка элемента ситуативно-событийного плана занимает довольно значительный фрагмент текста общим объемом около 1 страницы данного издания и, в общем, сводится к следующей предикации (II порядка, уровень 3.2): “Несомненно, одной из причин повышенного интереса идеологов буржуазии к истории всенародной борьбы советских людей в тылу врага является стремление глубже изучить формы и методы борьбы советских патриотов, их тактику, обобщить опыт действий немецко-фашистских оккупантов, карателей, с тем, чтобы использовать его против национально-освободительного движения, против наро-

дов, борющихся за свою свободу и независимость” [12,122]. Фактическое подкрепление этих выводов содержит только 2 примера, причем оба взяты из изданий 1956 и 1957 гг. Следует заметить, что сам сборник, в который входит анализируемый текст, издан в 1972 г. Если указанная автором тенденция в работах оппонентов сохранялась до 1972 г., то здесь необходим и более свежий пример. Иначе нельзя исключить, что указанная тенденция могла быть уже не актуальна для работ оппонентов на момент создания рассматриваемого текста. Ситуация в целом дает основания предположить, что автор не счел нужным искать новейшие примеры, полагая, по умолчанию, что ход мысли и цели оппонентов не могли претерпеть изменений с 1956-57 по 1972 годы. Между тем, как следует из другой предикации уровня аналитической оценки (II порядка, уровень 3.2), — “перед лицом неоспоримых фактов, свидетельствующих о громадных успехах советских людей во всех областях экономики и культуры, империалистическая пропаганда вынуждена менять тактику” [12,120], — оппонентам не вполне отказано в способности пересматривать какие-то свои концепции.

10. Тему белорусской военной истории и ее интерпретации в зарубежной историографии продолжает следующий тезис (предикация II порядка, уровень 3.1): “Буржуазная пропаганда намеренно извращает исторические факты и возводит гнусную клевету на наш народ, утверждая, что население Белоруссии в начале войны якобы "доброжелательно" относилось к немецко-фашистским захватчикам и даже "приветствовало" вторжение немецко-фашистских агрессоров” [12,124]. В качестве контраргумента приводятся данные, характеризующие отношение населения республики к Красной Армии. Следует заметить, что одно полностью исключает другое только в том случае, если в рассматриваемый период (периоды) военной истории вся территория Белоруссия находилась либо под контролем немецко-фашистских захватчиков, либо под контролем Красной Армии. Если же соотношение соответственно контролируемых частей территории республики менялось, то данная ситуация вполне могла характеризоваться “единством противоположностей”, разумеется, в разные моменты времени и в разных районах, находившихся под контролем противостоящих друг другу армий. Здесь влияние системы коннотаций и, соответственно, системы ценностей и аксиом (социального познания) препятствует оптимальной аудитории оценить динамику и детали процесса. При этом, возможно, авторская С-группа вполне владеет информацией, но для подобной подачи фактов имеет свои причины, для реконструкции которых понадобится привлечь экстралингвистический контекст.
11. Обращает на себя внимание фрагмент текста общим объемом около полутора страниц данного издания, где содержатся аргументы, призванные опровергнуть точку зрения оппонентов и репрезентированные на уровне описания ситуации (см. анализ части этого фрагмента

в п.10). В этот фрагмент входят, в том числе, иллюстрации, которые объединяет следующий элемент ситуативно-событийного плана (предикация II порядка, уровень 3.1): “Многие буржуазные авторы стремятся рассматривать борьбу советских людей в тылу врага не как составную и неотъемлемую часть Великой Отечественной войны, а изолированно, в отрыве от общего хода событий на советско-германском фронте. Борьбу советских людей в тылу врага буржуазная историография трактует только с позиций партизанской войны. Другие формы народного сопротивления оккупантам не находят отражения в антисоветской зарубежной литературе” [12,125]. Кроме того, этот фрагмент содержит иллюстративную часть, аргументирующую такую аналитическую оценку ситуации (предикация II порядка, уровень 3.2): “Замалчивая важнейшие аспекты всенародной борьбы советских людей в тылу врага, фальсификаторы тем самым стремятся приуменьшить масштабы народной войны, умалить патриотизм советских людей, а также тот реальный вклад, который они внесли в общее дело разгрома фашистской Германии” [12,125]. На всем протяжении этого фрагмента, включающего, как следует из анализа, предикации, по крайней мере 3-х разных порядков и 4-х различных уровней (иллюстрации двух уровней, аналитическая оценка, фон) ссылки на источник данных для контраргумента даются лишь дважды: для 2-го абзаца [12,124] и 3-его [12,125], причем не указано, каков первичный источник этих сведений и документов, указаны лишь их архивные номера.

12. Описание ситуации в зарубежных исследованиях белорусской военной истории развивается далее (предикация II порядка, уровень 3.1): “Общей почти для всех буржуазных авторов является концепция, по которой зарождение, развитие и эффективность партизанского движения ставятся в зависимость от оккупационной политики гитлеровцев. Странники этой концепции возникновения и развитие партизанского движения объясняют "ошибками" и "промахами" фашистских оккупационных властей, "неумением маскировать" истинные планы и цели войны” [12,126]. Отмечается, что в настоящее время “этот тезис несколько модернизирован и получил широкое распространение в работах современных буржуазных "советологов", специализирующихся по истории советского партизанского движения” (предикация IV порядка, уровень 2.3) [12,126]. Здесь цитаты, ссылки и фамилии авторов отсутствуют. Очевидно, что на все это развернутое утверждение распространяется одна общая коннотация, и поскольку фактам, на которые указывает данная предикация, уже определено место в системе коннотаций, то детальный разбор и оценка этих фактов, с точки зрения соответствующих С-групп (С-группы, порождающей текст, и оптимальной группы), являются избыточными. (Ср. также анализ п.4 и п.7).
13. Привлекает внимание такая иллюстрация к ситуативно-событийному плану (предикации III порядка, уровень 1.3): “Общеизвестно, что борьба в тылу врага носила поистине всенародный характер...

Кровавый оккупационный режим, неслыханные зверства немецко-фашистских захватчиков стали дополнительным фактором развертывания народной борьбы в тылу врага, развития партизанского движения” [12,126]. Тезис не подкреплён ссылками на документы и исследования, с момента опубликования которых он становится действительно общепринятой точкой зрения. Кроме того, логическое обоснование данного тезиса поколеблено тем обстоятельством, что ответ на высказывание оппонентов об отношении белорусского народа к немецко-фашистским захватчикам дается, по сути, "коннотативными" средствами (ср. также п.10).

14. Описание ситуации в исследовании военной истории Белоруссии продолжается следующей предикацией (II порядка, уровень 3.1): “Реакционные буржуазные авторы, частично признавая преступления, пытаются возложить ответственность за них на противников немецко-фашистских захватчиков, прежде всего на советских патриотов, боровшихся в тылу врага” [12,126]. Процитированный тезис иллюстрируется (предикация II порядка, уровень 1.3): “Западногерманский неонацистский "историограф" Валенди, например, утверждает, что истребление населения на временно оккупированной советской территории явилось реакцией оккупантов на действия партизан, это были, мол, германские ответные меры” [12,127]. Возможно (хотя из авторского пересказа фрагмента его работы это прямо не следует), западногерманский историограф действительно полагает, что факт реакции фашистских частей на действия партизан полностью снимает ответственность за карательные операции с первых и переносит ее на последних. В любом случае, очевидно, что именно так полагает автор анализируемой статьи. Здесь решение вопроса о “единстве противоположностей” (точнее, об их сосуществовании), вполне вероятно, отправляется от разделяемой авторской С-группой и оптимальной аудиторией аксиомы, которая постулирует принципиальную невозможность делить ответственность с военным противником. Сказываются некоторые характерные для авторской С-группы и оптимальной особенности сознания.

В итоге можно указать на некоторые явственно различимые признаки, которые с большой долей вероятности будут характеризовать тип сознания оптимальной аудитории данного текста. Например, во фрагменте, проанализированном в п.1, категория познания посредством коннотативного маркера сопрягается со значением из области этики. У “стороннего наблюдателя” это может вызвать ассоциацию с некоей системой религиозных взглядов, где точки зрения оцениваются с этических позиций и, таким образом, выстроены в достаточно жесткую иерархию, следствием чего является их заведомая неравноправность в отношении друг к другу и, априори, бессмысленность любого обсуждения их сравнительных преимуществ. Все сказанное дает основания заключить, что сознание оптимальной аудитории, весьма вероятно, пред-

ставляет собой закрытую для определенной информации систему с чертами жесткой организации, в свою очередь, затрудняющей свободное обращение этого сознания с информацией, имеющейся в его распоряжении. Данные анализа, представленные в п.2, также подтверждают выводы, сделанные на основе данных из п.1. Материал, рассмотренный в п.3, дает представление, с одной стороны, о дидактических, обучающих, стратегиях авторской С-группы; с другой стороны, косвенно указывает на предпочтительный для оптимальной аудитории режим обучения, согласно которому оценка факта дается прежде репрезентации самого факта. Анализ, представленный в п.4 и п.12, показывает преобладающую функцию коннотации в свойственных оптимальной аудитории процессах восприятия и обработки информации. Следовательно, появляются основания предположить, что функция системы ценностей (порождающей систему коннотаций) как источника аксиом познания в рассматриваемом типе сознания также значительно расширена, т. е. такому типу сознания в общем свойственно довольно свободное использование упомянутых аксиом не только в качестве опорных тезисов для развертывания суждений, либо в качестве аргументов, подкрепляющих то или иное суждение, но также и в качестве готовых, сформулированных выводов. Столь гипертрофированная функция аксиоматики и, как следствие, системы коннотаций в значительной мере ограничивает познавательные возможности рассматриваемого типа сознания, а доступные ему формы полемики сводит преимущественно к распределению коннотаций по высказываниям оппонентов. Материал, проанализированный в п.7 и п.8, позволяет реконструировать некоторые характерные черты отношения оптимальной аудитории к практической, а именно: к социальной и экономической – деятельности и ее методам и результатам. Из п.8, в частности, очевидно, что методы экономической деятельности обладают в данном случае аксиоматической значимостью, поскольку не могут, в представлении оптимальной аудитории, являться предметом дискуссии с людьми, придерживающимися других точек зрения. Соответственно, результаты экономической деятельности также, как результаты социальной деятельности (о которых идет речь в п.7), если и могут дискутироваться и подвергаться сомнению, то, видимо, только с учетом аксиоматической значимости методов, давших эти результаты, иначе говоря, с учетом тех рамок дискуссии и того пространства для сомнения, какие задает указанная значимость. Авторские утверждения, цитируемые в п.9 и п.11, не подкреплены фактографически и документально, следовательно, должны быть восприняты оптимальной аудиторией “суггестивно”, а значит, их структура и смысл должны коррелировать со структурой и смыслом аксиом, определяющих восприятие и познавательные процессы для свойственного оптимальной аудитории типа сознания. В материалах п.10 и п.14 просматри-

вается позиция, которую (по аналогии с понятием “исключенного третьего”) можно определить как позицию “исключенного синтеза”, что указывает на характерную, по крайней мере для оптимальной аудитории (если не для авторской С-группы), стратегию логического мышления¹¹.

Л и т е р а т у р а

1. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах / Отв. ред. Т. М. Дридзе. В 2 кн. Кн.1. М., 2000.
2. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
3. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика. СПб., 1996.
4. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. М., 1999.
6. Богомолова Н. Н. Современные когнитивные модели убеждающей коммуникации // Мир психологии. 1999. № 3.
7. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
8. Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1995.
9. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 1.
10. Советская историография / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996.
11. Актуальные проблемы социологической теории и практики. Ломоносовские чтения 2000. МГУ, социологический ф-т. Ч. II. М., 2000.
12. Факты и домыслы. Против фальсификации национальных отношений в советском Союзе / АН СССР, АН МССР. Научный совет по проблемам зарубежных идеологических течений АН СССР. Научный совет по проблемам зарубежных идеологических течений АН МССР. Кишинев, 1972.
13. Soviet nationality problems / Ed. by Edward Allworth. N.Y. – Lnd., 1971.
14. Miles M. B., Huberman A. M. Qualitative data analysis. L., 1994.
15. Pander Maat H. Studies of functional text quality. Amsterdam, 1992.
16. Dangel J. Text et sens. Paris, 1996.
17. Lentz L. Discourse analysis and evaluation: functional approaches. Amsterdam, 1997.
18. Werlen E. Sprache, Kommunikationskultur und Mentalität: Zur sozio- und kontaktlinguistischen Theoriebildung und Methodologie. Tübingen, 1998.

¹¹ Анализ англоязычных текстов и общие выводы см. в во II части статьи.